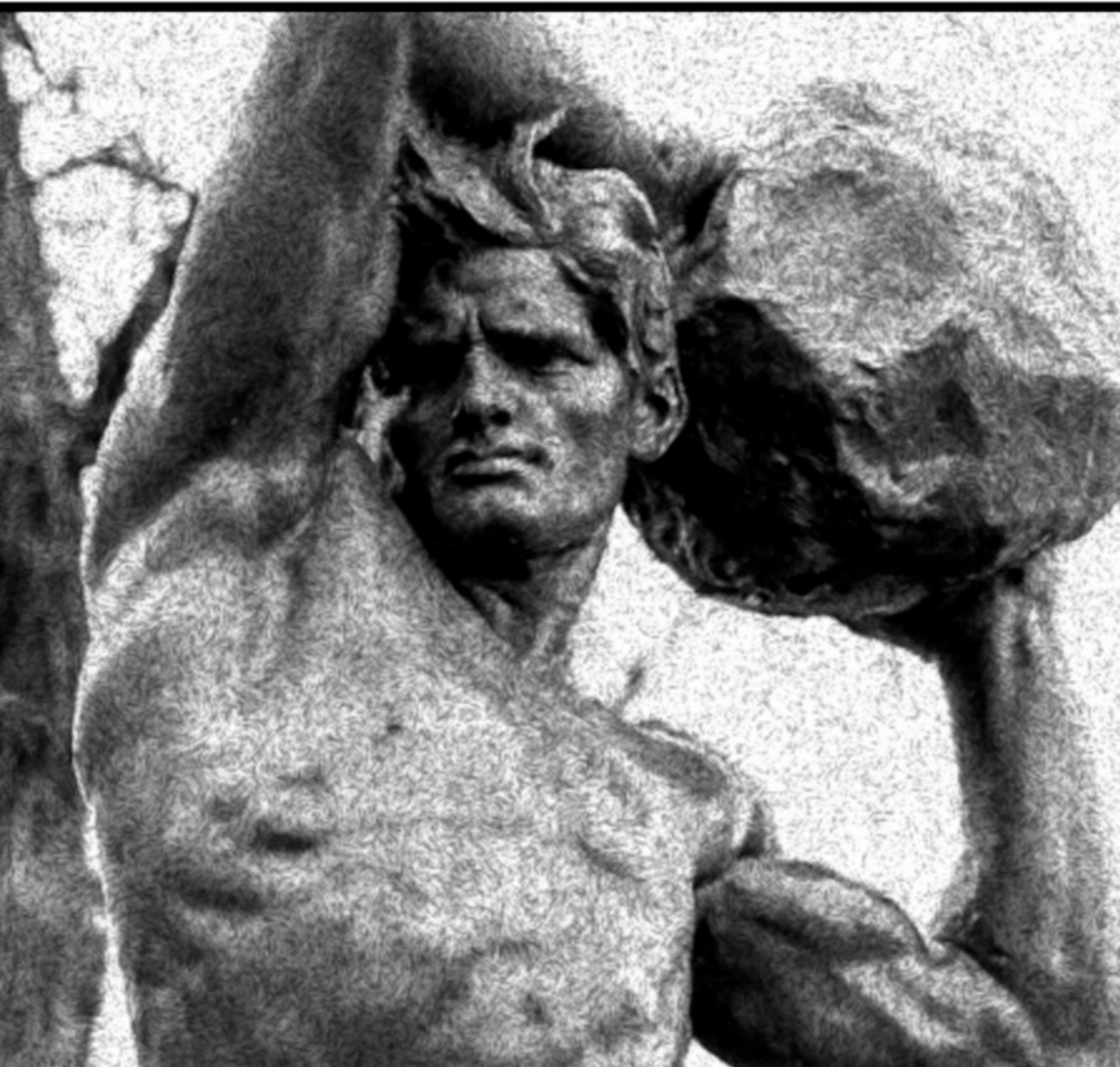

ЭРИХ ФОН НЕФФ

Иван-силач

Эрих Нефф

Иван-силач

«Издательские решения»

Нефф Э. ф.

Иван-силач / Э. ф. Нефф — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830082-0

«Иван-силач» — это рассказ о сильном русском крестьянине во времена сталинской эпохи. Он прошел войну и вернулся в родную деревню, чтобы жить мирной жизнью. Но когда сотрудники органов госбезопасности арестовывают его жену, он остается один со своей дочерью, полной, как и он, желания противостоять судьбе. Для себя он решает, что не сдастся без борьбы, не оставит дочь сиротой. Ради спасения дочери он готов пойти на что угодно, даже на открытое сопротивление представителям власти...

ISBN 978-5-44-830082-0

© Нефф Э. ф.
© Издательские решения

Содержание

Иван-силач	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Иван-силач

Эрих фон Нефф

© Эрих фон Нефф, 2016

© Анна Буданова, перевод, 2016

Редактор Олег Кустов

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иван-силач

Рассказ

Он родился почти в пять с половиной килограммов весом. Настоящий богатырь. Породой в деда пошел, наверное.

Его дед по отцовской линии, Кирилл, был моряком, ходил на корабле от Владивостока до Америки. В Сан-Франциско прихотливая судьба свела его ненадолго с Ярким Цветком, женщиной из племени навахо, что жила по соседству с молоканами в районе Рашен-Хилл. Когда, почти два года спустя, он вернулся в Сан-Франциско, то снова встретил ее – но уже не одну.

– Твой сын, – сказала она просто, держа на руках черноволосого мальчугана.

Яркий Цветок хотела отправить сына в резервацию, к своему племени, однако Кирилл и слышать об этом не желал. Однажды ночью он забрал сына с собой на борт корабля и увез на другой конец мира, в Россию. Яркий Цветок вернулась в резервацию одна. Больше они не виделись.

Мальчику дали имя Максим; он вырос, не зная родной матери, чужая земля стала ему родиной. Молодость Максима пришлась на бурные годы Гражданской войны; ветры революции занесли его на другой конец страны, сражался он на стороне красных, бился с белофиннами в Карелии, а после войны остался строить Карельскую трудовую коммуну. Это был отец Ивана.

Со стороны же его матери, Ольги, не было особой ясности. «Кажется, мы из бурят-монголов», – единственное, что она могла поведать о своей родне. Однако никаких свидетельств ни в подтверждение ее словам, ни против этого, так и не нашлось. А уж какими ветрами ее занесло на Ладугу – бог весть.

Впрочем, родительские родословные были для Ивана все равно что сказки.

С ранних лет Иван работал в родном колхозе; своей невероятной физической силе особого значения не придавал, принимая ее как данное от природы. Чем он действительно гордился, так это своими способностями в механике: только лишь по звуку работы двигателя, Иван сразу мог определить, где кроется неполадка, а на сваренных им металлических деталях даже самый придирчивый глаз не мог разглядеть шва.

Наверное, вот так, в колхозной механической мастерской, могла пройти вся его жизнь. Но кто знает заранее, что ему уготовано?..

...22 июня 1941 года началась война, впоследствии названная Великой Отечественной.

Вскоре со всей страны к линии фронта длинными железными змеями потянулись поезда, полные наскоро мобилизованных солдат, что еще вчера были рабочими и колхозниками. Были там и те, кто никак не мог усидеть на месте; они порой шумно спорили, порой истерично веселились, а иногда, несмотря на строгий запрет, ухитрялись раздобыть выпивку. Но были и те, что просто молча сидели, погруженные в тяжелые раздумья, и невидящими взглядами смотрели на проносящиеся за окнами среднерусские поля и перелески. В одном из идущих на фронт поездов ехал и Иван.

Любой армии во все времена нужны такие солдаты как Иван, хотя исход всех сражений зависит, как правило, от совершенно обычных людей.

Будь Иван в Сан-Франциско вскоре после налета японцев на Пёрл-Харбор, он увидел бы, как новобранцы выстраивались в ряд перед зданием паромного терминала. Артиллерийский сержант из Корпуса морской пехоты прохаживался вдоль строя, выбирая самых рослых. Указывая, он коротко бросал: «Ты. Шаг вперед». Когда сержант прошел мимо, один из отобранных попытался было незаметно отступить, но солдаты берегового патруля были начеку и вернули его в строй. Оставшихся разделили на две шеренги; слева встал главный старшина ВМС,

справа – армейский мастер-сержант. «Все, кто с моей стороны, призваны в армию», – сказал мастер-сержант. «Все, кто с моей стороны, призваны во флот, – сказал главный старшина. – Шагом марш на медосмотр». Новобранцев маршем провели к ожидавшим их фургонам. Окажись в том строю Иван, его непременно призвали бы в морскую пехоту¹.

Боевым крещением Ивана стала битва под Москвой. Была зима; стоял лютый мороз. Но Ивану это было нипочем, он как будто вовсе не замечал холода. Позже, когда Красная армия перешла в контрнаступление, Иван был ранен. Шальная пуля едва зацепила его правое плечо, но он споткнулся и упал на зазубренный каменный осколок, каких частые взрывы плодили тысячами, серьезно повредив руку в предплечье. Иван даже не посчитал это за серьезное ранение, он намеревался остаться в строю, но лейтенант, его взводный, был иного мнения. «Какой от тебя прок, товарищ солдат, если рана загноится? Отправляйся в лазарет, а эту грязную тряпку сними – от нее рана чище не становится».

Пока Иван добирался до лазарета, трясаясь в кузове попутного грузовика, рана его открылась и снова стала кровоточить. Теперь без чистой перевязки точно было не обойтись. Какой-то грубоватый сержант указал Ивану санитарную палатку. Приподняв полог, чтобы войти, Иван увидел ряд железных коек – пустых, покрытых кровавыми пятнами. Кто был здесь до него? Выжили они или нет? В одном Иван был уверен: уж он-то точно выйдет отсюда на своих двоих, он вернется к своим боевым товарищам. Он сел на одну из коек и задумался о тех, чья засохшая кровь пропитала заскорузлые простыни.

Внезапно брезентовый полог снова откинулся, и в палатку вошла медсестра. Взглянув на нее лишь мельком, Иван снова опустил голову и сказал:

– Сестричка, дорогая, мне бы только повязку сменить.

Когда медсестра подошла ближе, он почувствовал приятный слабый аромат, непохожий на духи, от ее кожи веяло запахом цветов. Не проронив ни слова, привычными движениями она стала расстегивать его телогрейку.

– Это я и сам могу, – запротестовал было Иван.

Но когда попытался это сделать, острая боль пронзила его раненую руку. Ему ничего не оставалось, кроме как смущенно принять помощь медсестры. Она помогла ему раздеться, а когда сняла с Ивана гимнастерку, то на мгновение замерла, с удивлением разглядывая его мощный торс: грудь была похожа на бочку, руки бугрились мускулами. Медсестра аккуратно прикоснулась к плечу Ивана, осматривая раны. Ссадина, оставленная пулей, серьезных опасений не вызывала, но вот осколок камня глубоко пропорол мышцу, и рана была загрязнена.

– Будет немного больно, – предупредила медсестра.

– Ну так закончите поскорее, – усмехнулся Иван.

Она стала промывать рану от грязи, бережно придерживая его руку своей. Это касание казалось таким уверенным и успокаивающим, что перед ним отступала даже боль.

Пока медсестра занималась его ранами, Иван исподволь разглядывал ее саму. У нее были черные глаза, и черные, как вороново крыло, волосы, полные губы. Красивая, наверняка из городских. Зачем она работала медсестрой, когда у нее были все шансы стать женой дородного офицера и жить в тепле и достатке, вдали от войны? Иван ощутил неожиданное возбуждение, волна дрожи прокатилась вдоль позвоночника – и ниже. Медсестра закрепила повязку. Неужели ему уже было пора уходить?

Но она вдруг сказала:

– Теперь снимите брюки.

– Минуточку, зачем? – в смущении запротестовал Иван. – Вы сделали перевязку, я должен идти.

¹ Сцена военного призыва в Сан-Франциско основана на рассказе моего друга, Мюррея Бенито, который в годы войны был призван во флот. Мистер Бенито, как и я, является членом сан-францисского велоклуба «Wheelman» (прим. автора).

– А я должна закончить осмотр. Вы могли повредить ногу. Вот здесь. – Она больно надавила на его бедро. – Чувствуете?

– Ох! Да.

Она была права. Ведь так? В конце концов, он действительно мог повредить бедро при падении и не заметить ушиба из-за боли в руке.

Медсестра вздохнула.

– Ну, если вы отказываетесь мне помочь...

Она заставила Ивана лечь на спину, сняла с него башмаки, чему он даже не сопротивлялся, а затем начала стаскивать с него штаны.

– Эй! Синяк же на бедре!

– По распоряжению врача я должна провести полный осмотр. – И она решительно сдернула с него исподнее.

Иван попытался оглядеть себя, но не увидел ничего, выбивающегося из нормы, кроме темного синяка – там, где медсестра надавила пальцем. Он чувствовал себя совершенно по-дурачки, лежа голым на койке, с неуместной эрекцией. Иван был растерян и смущен; уставившись на брезентовый палаточный верх, он надеялся, что этот осмотр поскорее закончится, и можно будет натянуть брюки и всю остальную форму и вернуться в свою часть.

Он услышал шорох одежды, а в следующее мгновение медсестра вдруг оказалась на нем верхом, ее полные упругие груди прижались к его щекам.

– Целуй! – повелительно сказала она, прижимая к его губам твердый сосок.

Он подчинился, ошеломленный. Затем она скользнула ниже, оседлала его бедра, уперлась ладонями ему в грудь, и начала раскачиваться, двигаясь вверх и вниз, все быстрее и быстрее. Острые ногти впились в его грудь, словно когти хищной птицы. Он не смог сдержать сладострастный стон. И еще один. Затем время как будто остановилось, и он стал соскальзывать в забытье.

– Вставай. Вставай и одевайся. Тебя ждут в твоей части.

Иван вынырнул из наваждения, огляделся. Женщина стояла чуть поодаль, одежда – в безукоризненном порядке. Один ее вид заставлял отказаться от возражений. После всего, что было, Иван снова ощутил неловкость, одеваясь под ее пристальный взгляд. А она разглядывала его тело с явным любованием.

– Скажи мне как тебя зовут, – попросила она. – Имя и фамилию. Откуда ты? В какой части служишь?

Все еще смущенный, Иван пробормотал ответ, едва ли не заикаясь. Но тут же, рассердившись сам на себя, требовательно спросил:

– А саму-то тебя как звать? И откуда ты? Черт, я тоже хочу знать хоть что-то о тебе. Говори, ну же!

– Татьяна. Это все, что тебе нужно знать. Мы встретимся после войны, если судьба так распорядится. – В ее глазах появилось не то задумчивое, не то мечтательное выражение. – Только бы все получилось. Надеюсь, у меня будет ребенок.

– Что?

Неслышными легкими шагами она подошла к Ивану, прижала ладонь к его щеке и запечатлела на шее несколько быстрых поцелуев.

– Помни меня.

Затем расстегнула полог палатки – и ушла, не оглянувшись. Он никому не рассказал о том, что произошло, и хотя порой ловил себя на мысли о нежной медсестре, однако искать новой встречи не осмеливался. Почему – кто знает.

Война шла своим чередом; Красная Армия наступала. Часть, в которой служил Иван, воевала в Восточной Пруссии. Один случай накрепко врезался ему в память. Он обыскивал огромный жилой дом на какой-то ферме и наткнулся на девчонку, совсем еще подростка, пря-

тавшуюся в шкафу. Она лопотала что-то по-немецки и смотрела на него с мольбой и страхом. Иван слышал тяжелый топот башмаков других солдат. Он прекрасно знал незавидную судьбу девчонки. Он знал, что ей чертовски повезет, если озлобленные солдаты не придумают для маленькой немки что-то похуже изнасилования. Иван застрелил её, в сердце. Из милосердия, как он пытался себя убедить. Но легче не становилось. Почему это выпало ему? Почему именно ему?

Великая война, что тянулась долгих четыре года, – кончилась.

Иван прошел всю войну без серьезных ранений. Были в его жизни другие женщины, другие случайные встречи. Но вспоминал он лишь одну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.